

Украинский кризис

Новая «холодная война»?

Предлагаем вниманию читателей лекцию американского историка, крупного специалиста по проблемам Советского Союза и России, профессора Стивена Коэна, прочитанную 5 февраля 2015 года в Фэрфилдском университете (Коннектикут) по случаю 20-й годовщины Программы исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии. Член Редакционного совета журнала «Свободная Мысль», Стивен Коэн любезно предоставил нам право опубликовать текст лекции на страницах нашего журнала.

Меня можно назвать ветераном программ исследований России — участию в них я посвятил 45 из 50 лет моей научной карьеры. Начинал я в университете Индианы, продолжал в Колумбийском университете, а затем в Принстоне, где возглавлял соответствующую программу, сейчас занимаюсь тем же в Нью-Йоркском университете. Все мы в долгу перед Фэрфилдским университетом за поиск и подготовку кадров для программ по исследованию России в 1990-е годы. Другие университеты в то время свернули эти программы, поскольку решили, что они нужны лишь для обеспечения национальной безопасности. По-видимому, они никогда не слышали о Пушкине и Толстом или о вкладе России в научные достижения.

Так что Фэрфилд действительно является пионером в области российских исследований в период после «холодной войны» и, можно сказать, в условиях новой «холодной войны». И это радует меня, поскольку я не только ветеран исследований России, но и их сторонник и защитник. Я борюсь за то, чтобы сохранить их в целости. Правительство изъясало выделявшиеся на них средства, а сейчас обсуждает вопрос, как бы вернуть деньги обратно в эту сферу. Нынешние события — не лучшая причина для финансирования российских исследований, но мы готовы принять средства там, где сможем их получить.

КОЭН Стивен — почетный профессор истории и русских исследований Нью-Йоркского университета, почетный профессор политологии и русских исследований Принстонского университета.

Ключевые слова: конфликт, Украина, расколотая страна, Соглашение об ассоциации Украины с ЕС, Янукович, Майдан, восстание, восток Украины, новая «холодная война», угроза миру, США, Обама, Меркель, Россия, политика Путина, миротворчество.

Как обычно, я буду говорить сегодня о фактах. Это может показаться скучным делом, но это важно, если мы хотим изучать в нашей стране Россию и научить нашу молодежь и самих себя разбираться в ней.

Я мог бы рассказать вам историю моего собственного жизненного пути, который начался в Кентукки, где я вырос, проходил в Индиане, случайно получил продолжение в английском Бирмингеме, а потом, не менее случайно, — в России. Я провел в ней едва ли не четверть жизни, а 90 процентов своего времени, между женитьбами и воспитанием детей и внуков, посвятил мыслям о России.

Сейчас настали зловещие времена. Думаю, наша жизнь и наше будущее находятся под угрозой. Сам я уже дед, так что речь может идти о будущем наших детей, которое действительно может стать роковым.

Украинский кризис набрал силу, и должно быть ясно: мы с имеем дело с самым опасным международным кризисом со времен карибского.

Многие в этой аудитории не только не помнят его, но и не появились еще на свет, когда прекратил существование Советский Союз. Поверьте, в ходе карибского кризиса речь буквально шла о том, суждено ли всем нам погибнуть в ядерной войне. Тот кризис нам удалось преодолеть. И если вы недостаточно осведомлены об этом, сейчас самое подходящее время, чтобы почитать о нем. Люди думали, что ничего подобного не повторится вновь, — но это может случиться. Сегодня наихудший с той поры международный кризис, потому что Соединенные Штаты и Россия, две мировые ядерные державы, оказались лицом к лицу.

Корни украинского кризиса можно легко обнаружить в 1990-х годах. Если кто-нибудь собрался бы написать историю о его истоках, он мог бы начать с краха Советского Союза, а то и с событий 400-летней давности. Но непосредственная история происходящего ныне на Украине начинается все же в 1990-е годы. Даже самые молодые люди в этом зале помнят ее из сообщений в газетах и телепередач. Впрочем, когда моя жена и я несколько месяцев назад брали в Москве интервью у Эдварда Сноудена и я спросил, смотрит ли он телевизор, Сноуден взглянул на меня, как на сумасшедшего, и сказал: «Никто больше не смотрит телевизор». И добавил: «Я все узнаю через компьютер». Тогда я понял, почему у моей 23-летней дочери нет телевизора.

История нынешнего кризиса, который начался в ноябре 2013 года, очевидна, и связанные с ним факты сомнений не вызывают. Вспыхнувшие тогда в Киеве политические споры относительно подготовленного Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом вылились в уличные протесты на знаменитой площади Майдан, которые привели к тому, что, в зависимости от ваших оценок, можно назвать свержением или падением избранного президента Украины Виктора Януковича. Он был коррумпирован и не проявлял решительности, но при этом был законно избран, и все согласны с тем, что выборы на Украине были справедливыми. Его вынудили уйти. Это событие, которое можно толковать по-разному (либо как переворот — что делают русские, либо как славную демократическую революцию — как считают некоторые на Западе и на самой Украине), вызвало протесты на востоке Украины. Дело в том, что Янукович представлял именно их, его электоральная база находи-

лась в основном в Восточной Украине. Это стало причиной, прямой или косвенной, присоединения к России Крыма. И положило начало происходящей ныне гражданской войне между двумя частями Украины — преимущественно пророссийскими восточными областями, граничащими с Россией, и западными провинциями.

Эта гражданская война вызвала новую «холодную войну» между Соединенными Штатами и НАТО — с одной стороны и Россией — с другой. Сейчас она стала, как мы говорим, американо-российской «войной по доверенности». Бесспорно, Россия в военном отношении поощряет боевиков (или сепаратистов, если вы предпочитаете именовать их так) в восточной части Украины. А Соединенные Штаты чуть менее открыто финансируют армию Киева. И, как вы знаете, в настоящее время в Вашингтоне обсуждается предложение о том, чтобы мы финансировали эту армию в более крупных масштабах. Полагаю, что на поставки гораздо более существенных вооружений в ближайшие три года будет выделено 3 миллиарда долларов.

Еще хуже обстоит дело с нынешней новой «холодной войной». Нет сомнений, что она идет, хотя пресса и не решается назвать ее своим именем, именуя по каким-то журналистским соображениям «худшим кризисом со времен “холодной войны”». Как бы то ни было, эта новая «холодная война» может оказаться более опасной, чем минувшая, которую мы с таким трудом пережили.

Нет сомнений, что новая «холодная война» идет, хотя пресса и не решается назвать ее своим именем, именуя по каким-то журналистским соображениям «худшим кризисом со времен “холодной войны”». Как бы то ни было, эта новая «холодная война» может оказаться более опасной, чем минувшая, которую мы с таким трудом пережили.

Почему? Прежде всего, эпицентр предыдущей «холодной войны» находился в Берлине, — а это далеко от Москвы. Эпицентр теперешней «холодной войны» расположен на Украине — как раз на границах России. Больше того — прямо в центре русской славянской цивилизации, в которую входит и большая часть Украины. Конечно, не все, но очень многие украинцы связаны с этой цивилизацией: через браки, историю, культуру, язык, религию. Вот в чем одна из причин того громадного потенциала недоразумений, несчастий, провокаций, катастроф, какой вы только можете себе представить. И вот почему нынешняя ситуация в тысячу раз опаснее, чем тогда, когда эпицентр находился в Берлине.

Во-вторых, теперешняя «холодная война» разворачивается в той же атмосфере, какую в преддверии Первой мировой войны называли «военным

туманом». Это выражение подразумевает дезинформацию. Тогда не существовало электронной почты, цифровой связи. Сегодня все изменилось. Есть информация из Москвы. Есть информация из Киева, извините, дезинформация из Киева, есть дезинформация со стороны Вашингтона, есть дезинформация из Брюсселя. Даже те из нас, кто следит за событиями и, владея языками, может обо всем прочитать в оригинале, кто знает историю вопроса, часто не в состоянии разобраться, кто говорит правду, а кто лжет. Трудно разобраться в реальных фактах, и в итоге получается, что все факты носят скверный и угрожающий характер — и положение только ухудшается.

В-третьих, нынешняя «холодная война» может оказаться более опасной потому, что ощущается нехватка взаимно выработанных норм и опыта разного рода ограничений, который был накоплен в течение десятилетий прежней «холодной войны». Между Москвой и Вашингтоном были достигнуты тогда определенные договоренности. Существовали знаменитый красный телефон, «горячая линия», принцип «давайте проверим это до того, как начнем действовать». Имелось соглашение, что «мы не будем делать то-то, а вы не будете делать того-то». У нас были красные линии и границы, про которые мы знали, что их лучше не пересекать. Ничего из этого теперь не существует — ничего. Еще хуже то, что развивавшиеся десятилетиями отношения сотрудничества с Россией рассыпались в прах. Это касается всех областей: от образования до исследований космоса. Даже музеи не могут обмениваться экспонатами. Все разорвано. Кто в этом виноват? Обе стороны, каждая отвечала на действия другой. Вы разываете одно, я разрываю другое.

С обеих сторон идут даже разговоры о том, о чем я никогда раньше не слышал и не думал, — о возможности применения тактического ядерного оружия. Все те бесчисленные ограничения, которые были установлены после карибского кризиса, кажется, канули в вечность.

В-четвертых, и это главное, — переговоры. Попытки восстановить сотрудничество между Москвой и Вашингтоном почти полностью заблокированы новым способом. Я бы назвал его демонизацией президента России Владимира Путина. Это делается с помощью личной дискредитации, когда, например, на страницах «Нью-Йорк таймс» обозреватели, считающиеся наиболее информированными и просвещенными, регулярно называют его «бандитом», «убийцей». Я начал работать в области советских исследований в эпоху Хрущева. И за все годы моей работы я не припомню, чтобы американские СМИ, американский истеблишмент так обливали грязью какого-нибудь советского, коммунистического лидера, как они делают это в отношении Путина.

И это становится в Соединенных Штатах нормой. Хиллари Клинтон, которая хочет быть президентом США, называет Путина «Гитлером». Если она действительно станет президентом, будет ли Путин готов встретиться с ней и вести переговоры о сотрудничестве? Ведь нам известно, что, если кто-то является новым Гитлером, его следует уничтожить, а не вести с ним переговоры. И позиция Обамы, занятая в отношении личных нападок на Путина, не способствует решению проблемы. Поэтому демонизация Путина стала еще одной причиной того, что нынешняя ситуация может оказаться гораздо более опасной.

И наконец, нынешняя «холодная война» таит в себе возрастающую опасность, потому что не существует эффективного американского противодействия ей. Я бы не сказал, что мне довелось находиться на передовой линии, но в годы минувшей «холодной войны» я участвовал в том, что тогда именовалось «движением за разрядку». В нем участвовали люди, которые хотели добиться ослабления напряженности, покончить с «холодной войной» и стремились к сотрудничеству. И это было энергичное движение. Мы были в меньшинстве, но у нас имелись союзники в Белом доме: среди помощников президента, в Государственном департаменте, среди дюжины сенаторов, десятка или двух конгрессменов. У нас всегда был под рукой легкий доступ к «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», к телевидению и радио. Сегодня ничего этого нет. Горстка тех из нас, кто выступает против или критикует американскую долю ответственности за сложившуюся ситуацию, не могут найти союзников в Государственном департаменте, конгрессе. Мы не можем получить места на страницах «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнэл» или «Нью-Йорк пост». Журнал «Нейшн», для которого я пишу и который редактирует моя жена Катрина Ванден Хойвель, имеет возможность донести до читателей не полную, а лишь частичную информацию. Хотя журнал и стал наиболее важным альтернативным изданием в Соединенных Штатах, он не проникает за стены конгресса и Белого дома. Кажется, все деятели, считающие себя прогрессивными, проголосовали в прошлом месяце за законопроекты и резолюции, по сути, провозглашающие войну против России. Что удивительно — проголосовали без обсуждения. Это крах нашей демократии. Вот почему возникает вопрос: «Как это случилось?»

* * *

Почти 25 лет назад, когда Советский Союз прекратил свое существование, администрация Клинтона объявила, что отныне наступила эра американо-русского стратегического партнерства и дружбы. «Холодная война» закончилась навсегда. И что теперь мы стали с Россией союзниками. Так что же произошло четверть века спустя, каким образом мы оказались сейчас в худшем конфликте с Россией со времен кубинского ракетного кризиса?

Официальное объяснение этого вам известно, потому что вы ежедневно слышите его отовсюду: оно стало общепринятой идеей и состоит в том, что в 1990-х годах, при президенте Клинтоне и российском президенте Ельцине, все было в порядке. А потом, в 2000 году, президентом России стал Путин, и он все испортил. Короче говоря, все плохое, что произошло, не имеет ничего общего с американской политикой — это все дело рук России. Виновата Россия и лично Путин.

Прежде чем подробнее остановиться на этом, напомним, что однажды сказал покойный сенатор Дэниел Мойнихэн: «У каждого человека есть право иметь собственное мнение, но не собственные факты». Это хорошо сказано. И это важно.

Здесь присутствуют 200 или более человек. У каждого есть право на собственное мнение. Но не на собственные факты. Будь то журнал, новостное агентство, любое средство массовой информации, — в их мате-

риалах вы сначала проверите факты, и если они окажутся неверными, то не станете принимать их в расчет, а отбросите прочь. Теперь вернемся к изречению Мойнихэна.

Общепринятая, ставшая единодушной оценка того, что случилось у нас с Россией, почему произошел украинский кризис, в значительной степени основывается на исторических заблуждениях и политических мифах. А также на русофобии, которая досталась нам от прежней «холодной войны» и обращенной в прошлое демонизации Путина. Задумайтесь об исходных моментах. Возьмите, например, самый старый исторический миф, являющийся основой всего, о чем сейчас идет речь. Состоит он в том, что с момента краха Советского Союза Вашингтон рассматривал Москву как желанного друга и партнера. Москва же оказалась неспособной или не пожелала принять американские объятия и постепенно, а при Путине — решительно, отвергла их.

Какова же историческая действительность? Администрация Клинтона вбила себе в голову, что с крушением Советского Союза Соединенные Штаты выиграли «холодную войну». При этом администрацию несколько не беспокоил тот факт, что Рейган, Горбачев и Буш-старший объявили об окончании «холодной войны» еще за два года до краха Советского Союза — в 1989 году. Тогда как СССР завершил свое существование лишь в декабре 1991-го. Но для нас это была отличная новость. Советский Союз исчез, и мы победили в «холодной войне» — такой ложной истории обучают наших детей уже почти 25 лет. И наши политики действуют в соответствии с этими представлениями. Поскольку мы победили Советский Союз, то, начиная с Клинтона и его администрации, постсоветская Россия стала для нас чем-то вроде Японии и Германии после окончания Второй мировой войны. Россия для нас в полной мере не обладала больше суверенными правами и не имела собственных интересов внутри страны или за рубежом. А мы могли навязывать России свои правила. Мы хотели помочь ей, но взамен она должна была помнить о наших предпочтениях в своей внутренней и внешней политике. И действовать на их основе.

Результатом стало то, что я именую принципом «победитель забирает все». Такова была американская политика в отношении России. Нет необходимости напоминать вам, кто был инициатором расширения НАТО, которая является не женским клубом, не благотворительным братством, а военной организацией — крупнейшим и наиболее мощным военным союзом в мире. Со времен Клинтона его экспансия была направлена к границам России. Можно спорить о том, хорошо это было или плохо. Я думаю, что это было ужасно; но есть и аргументы в пользу того, что все делалось правильно. Я открыт для обсуждения таких аргументов. Но мы же не можем сказать, что этого не происходило на самом деле? По нашим представлениям, Россия должна была сказать: «Мы не возражаем. Это не наша забота, все нормально». Это все равно, что при появлении русского или, скажем, китайского военного союза на реке Рио-Гранде в Мексике мы бы заявили: «Великолепно, нам давно хотелось иметь побольше соседей на своей границе». На самом деле мы все немедленно отправились бы к Белому дому с требованием к Обаме предпринять что-нибудь против этого.

Во всем этом было много дипломатии, — но это была американская дипломатия. Она сохраняла следы не выполненных нами обещаний и уступок, сделанных русскими, на которые мы не ответили взаимностью. Позвольте мне напомнить молодым людям в этой аудитории один пример, который, быть может, им не известен. После нападения на США 11 сентября 2001 года первым из мировых лидеров президенту Бушу позвонил Путин. Он выразил сочувствие американскому народу и предложил свою помощь в борьбе с общей угрозой — международным терроризмом. И поскольку Буш собирался отправить в Афганистан сухопутные войска, чтобы выбить талибов, он принял это предложение. Это многого стоило Путину у себя дома. Органам безопасности такой шаг не пришелся по вкусу, но, невзирая ни на что, он пошел на это. Тем самым Путин спас много жизней американцев в той войне. И что он получил взамен? В течение двух лет проводимое Бушем расширение НАТО вывело альянс непосредственно к границам России. Столь же роковым стало решение Буша об одностороннем выходе США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны. А он был самым надежным в мировой истории ядерным договором.

Это привело к новым спорам вокруг создания систем противоракетной обороны на российских границах. Вот что получил Путин за спасение жизней американцев. Поэтому, когда вы слышите, как Путин говорит, что его никто не слушает, попробуйте прочитать его выступления — они все есть на Kremlin.ru на английском языке. В них он рассказывает, как пытался наладить сотрудничество с Соединенными Штатами, но был отвергнут. Помните, что произошло, и не забывайте, чего это стоит Путину политически. Ему по-прежнему напоминают о доверчивости по отношению к американцам. Все это стало важным поворотным пунктом.

Где-то в конце 1990-х «американской победитель» решил поближе заняться Украиной. Расширение на восток вывело НАТО в страны Балтии. Но Бжезинский заверял нас, что именно без Украины Россия никогда не станет вновь великой державой. Мы поверили в это. И пришли к выводу, что необходимо принять Украину в НАТО или, по крайней мере, в ЕС, чтобы потом, на обратном пути, включить ее в состав НАТО. Но сначала предстояло заняться Грузией, поскольку она открывает вход в «мягкое подбрюшье» России на Кавказе. В результате мы получили войну 2008 года в Грузии, которая тоже была «войной по доверенности». Кого-нибудь насторожило, что это было скверной идеей, и что у России также имелись свои красные линии? Нет, мы подталкивали там развитие событий. Подталкивали мы их и на Украине. Может быть, это хорошая политика — но невозможно отрицать факты.

И вот сейчас новый пример умничанья. Мы слышим: «Ой, присоединением Крыма и поддержкой боевиков в Восточной Украине Россия разрушает европейскую систему безопасности». Может быть, это и правда, но после крушения Советского Союза Россия систематически вытеснялась из европейской системы безопасности, она не была принята в НАТО, ее сотрудничество с альянсом носило фиктивный характер, а мы занимались расширением НАТО к российским границам. Другими словами, с помощью НАТО мы создавали систему европейской безопасности.

Поэтому, когда мы заявляем Путину: «Вы разрушаете систему безопасности», он отвечает: «Да, но это ваша система безопасности, а не моя».

Горбачеву и Рейгану удалось достичь согласия по ряду очень важных вопросов. Это сделало Рейгана великим человеком. Но если вы пытаетесь добиться своей безопасности таким образом, что другая сторона начинает ощущать угрозу собственной безопасности, то это вообще нельзя назвать безопасностью. Взамен вы получите только взаимное наращивание военной мощи. Действовать же надо так, чтобы обеим сторонам были обеспечены покой и безопасность. Расширение НАТО к границам России явно находилось в противоречии с этим. Вот, кстати, почему некоторые молодые и не только молодые консерваторы, превозносящие Рейгана, расценили эту политику как отказ от рейгановского наследия. И они правы. Если вспомнить, чего добились Рейган с Горбачевым, то они абсолютно правы. И, конечно, русские видели все это.

* * *

Теперь обратимся к нынешнему кризису и связанным с ним мифам. По общепринятым американским утверждениям, все случилось из-за агрессии Путина. Вот она, ключевая фраза — «агрессия Путина». И здесь мы обнаруживаем мифы, начиная с самого основного. Прошу прощения украинцев или людей украинского происхождения в этой аудитории, но я полагаю, что если они размышляют на эту тему, то согласятся со мной. Все эти разговоры об Украине и украинцах, стремящихся освободиться от влияния России и присоединиться к Западу, мягко говоря, неполны. На протяжении веков Украина была разделенной страной. Это не моя вина и не вина Путина — это Божья вина. Столетиями формируясь из осколков различных империй, Украина оставалась расколотой — на пророссийские восточные области и западные регионы, которые смотрят в сторону Европы. Впрочем, сторонников тех и других легко обнаружить и в Центральной Украине. И даже в Киеве.

Когда в ноябре 2013 года разразился кризис, Украина была единым государством со столицей в Киеве. Но она не была единым народом и сплоченной нацией в том смысле, в каком это подразумевается в заявлениях Запада. В историческом, языковом, этническом, экономическом, политическом, религиозном отношении Украина была разделена на регионы и людей, одни из которых хотели сохранить свои многовековые родственные связи с Россией, а другие стремились к более тесным отношениям с Западом. После крушения Советского Союза этот раскол стал очевиден каждому, но разумная политика украинского руководства позволяла сохранять единое государство. Кем бы ни был тот в Европейском Союзе или в Соединенных Штатах, кто решил разрушить существовавшее хрупкое равновесие, но он явно не знал Украины и ее истории или руководствовался дурными намерениями.

Это подводит нас к ряду следующих мифов. В ноябре 2013 года Европейский Союз при поддержке Вашингтона предложил президенту Януковичу заключить благотворное и выгодное соглашение об ассоциации с ЕС. Но Путин запутиванием и подкупом заставил беднягу Януковича отказаться от него, после чего Янукович был свергнут в результате уличных протестов.

Все это — мифы. Как же обстояло дело в действительности? Предложение Европейского Союза представляло собой безответственную провокацию. Это признал сам Янукович. Путин же предлагал план спасения Украины на основе трехсторонних переговоров Москвы, Киева и Брюсселя. В ответ Евросоюз потребовал от Януковича выбирать между Россией и Западом. Это был ультиматум. Зачем кому-то понадобилось это делать?

Никаких выгодных финансовых условий в предложениях Европейского Союза не содержалось — денег у ЕС на это не было. Предложить он мог лишь меры жесткой экономии — подобные тем, что были отвергнуты на выборах в Греции. К тому же европейское общество на протяжении десятилетия раздирает 25-процентная безработица. Что же могла бы дать ассоциация с ЕС Украине, которая и без того находилась уже в финансовых путах, с пожилым населением, зависимым от выплаты пенсий?

Кроме того, похоже, никто на Украине не читал никаких документов Соглашения. Между тем среди тысячи страниц протокола об ассоциации был запрятан раздел, озаглавленный «Вопросы военной безопасности». И если бы документ был подписан, Украина оказалась бы обязана следовать политике военной безопасности в Европе. НАТО прямо не упоминалась. Но что такое политика военной безопасности в Европе? Это и есть НАТО. Таким образом, совершенно ясно, что была предпринята попытка протасовать Украину в НАТО через заднюю дверь. Все это вовсе не было проявлением добросердечия, а в России имеется достаточно юристов, которые читали эти документы и понимали, что происходит. Или думали, что понимают. И это не вызывало у них радости.

Так что не существовало никакой агрессии Путина, которая положила начало кризису, но была своего рода «бархатная» агрессия со стороны Вашингтона и Брюсселя, ставившая целью перетянуть Украину на Запад, вовлечь ее в объятия НАТО. И тут появляется еще один миф: «Гражданская война на Украине была вызвана агрессивной реакцией Путина на мирные демонстрации на Майдане». Реальность, однако, была иной, и вы легко вспомните ее, поскольку видели по телевидению людей на киевских улицах, которые бросали пылающие «коктейли Молотова». Видели, что они были хорошо вооружены, стреляли по другим людям. Видели горящие баррикады, нападения на правительственные здания. Реальность такова, что начавшиеся в феврале прошлого года мирные протесты становились все более агрессивными. И насилие в значительной мере инспирировалось украинскими ультранационалистическими силами. Некоторые из них любой разумный человек, бесспорно, назвал бы неонацистскими.

Что это значит? Это значит, что они хотят избавить Украину от евреев, цыган, русских, гомосексуалистов — от всех, кто этнически не является чистыми украинцами. Как будто не было столетий смешанных браков. Такова их открыто провозглашаемая идеология. Оставим в стороне то, что они носят портреты Гитлера — может быть, это просто украшение. Но почитайте их программы. Как бы то ни было, эти люди, составляющие небольшое, совсем небольшое меньшинство, стали притягательной силой на улицах. И оказали влияние на ход событий.

Что произошло дальше? Насилие нарастало. В Киев прилетели три европейских министра иностранных дел, и при их посредничестве было

заключено соглашение между президентом и лидерами уличных демонстрантов. Министры заявили, что Янукович сформирует коалиционное правительство, введет в его состав лидеров оппозиции, а сам останется на президентском посту до декабря. Затем, через десять месяцев, будут проведены новые выборы. Таким образом, эти министры стали посредниками подписания демократического соглашения. Не знаю, кто был тогда инициатором, но вскоре состоялся телефонный разговор Путина с Обамой. Очевидно, Обама спросил Путина: «Вы поддерживаете это?» Тот ответил: «Поддерживаю». И задал вопрос Обаме: «А Вы поддерживаете?» «Да», — ответил Обама. Однако через несколько часов уличные акции протеста перекинулись на президентский дворец, Янукович был свергнут и бежал в Россию. Было сформировано новое правительство, немедленно признанное Соединенными Штатами и Европой. И никто на Западе больше никогда не вспоминал о соглашении, которое было подписано самими западными дипломатами. В этом истоки всего, что произошло в дальнейшем, — присоединения к России Крыма, восстания на востоке Украины, гражданской войны, новой «холодной войны» и полных отчаяния полетов Меркель в Киев, Москву и Вашингтон в попытках отвлечь фактически уже идущую войну.

Сегодня совершается опасная ошибка. Утверждается, что конфликт закончится только тогда, когда Путин прекратит агрессию. Мы слышим это от Керри, от Маккейна, от пресс-секретаря госдепартамента. Путин должен прекратить агрессию, и тогда все будет в порядке. Это называют предоставлением возможности дипломатично покинуть сцену. Но это клише. Никто не говорит, что это за дипломатия. На самом деле речь идет о капитуляции. Только в этом случае будут отменены санкции, и все пойдет хорошо.

Но в действительности все обстоит иначе. Тем из вас, кто знает Украину, известно, что на Донбассе проживает от 4 до 5 миллионов человек. Это индустриальное сердце Восточной Украины. Я не знаю точное число жителей, потому что многие выехали оттуда. Разве эти 5 миллионов людей не являются народом? Разве они не требуют сочувствия? Американская «Нью-Йорк таймс» называет их «путинскими бандитами». Дети, бабушки, дедушки, механики, школьные учителя, медсестры, горняки, таксисты, торговцы — все они объявлены «путинскими бандитами». Но как быть с их правами? Эти люди подвергаются бомбардировкам Киева. Их обстреливают из минометов и артиллерии. Это продолжается уже целый год. Мы не знаем точных данных о потерях. ООН называет цифру 5300 погибших. Но имеются еще тысячи раненых, тяжело раненных. Беженцев, вынужденных покинуть районы боев, по разным сведениям, насчитывается от 1 до 2 миллионов. Нам не известно, сколько их на самом деле. Точных данных нет ни у ООН, ни у России. Почему они бежали? Потому что их все еще бомбят. Сначала это были женщины, спасавшие своих детей. Потом стали бежать и молодые люди. Некоторые прибывали даже из Киева, потому что их призывали в армию, а они не хотели воевать. Это гуманитарная катастрофа первой категории.

Соединенные Штаты со времен администрации Клинтона провозглашают нашей доктриной «R to P» (Right to Protect) — «Право на защиту». Обычными или военными средствами мы защищаем людей, оказавших-

ся в ситуации гуманитарной катастрофы. Но правительству США нечего сказать о судьбе людей в Восточной Украине. Хотя американский посол в ООН Аманда Пауэр, главный идеолог этой доктрины, на вопрос, что там происходит, ответила: «Я думаю, что Киев продемонстрировал замечательную сдержанность». Как американскому гражданину мне стыдно, что представитель моего правительства не может заставить себя сказать: «Мы переживаем за этих людей и намерены что-нибудь сделать, чтобы помочь им».

А как насчет киевской агрессии, поддерживаемой Соединенными Штатами? Ужасные разрушения на востоке Украины совершены Киевом под прикрытием так называемой антитеррористической операции. Так именуется проводимая Киевом с апреля прошлого года военная операция, одобренная США. Я спрашиваю вас, что это за правительство, которое объявляет террористами 5 миллионов своих граждан? И если вы говорите людям, что они террористы, то как вы собираетесь поступать с ними: вести переговоры или убивать их?

И в чем состоит американская политика? Мы не вступаем в переговоры с террористами. Порой мы идем на это, но официально — нет. Мы их уничтожаем. Здесь что-то неверно. И что-то неверно в позиции Киева, который поддерживается Вашингтоном. Как американского гражданина меня беспокоит убежденность в том, будто решения всех проблем можно добиться, только положив конец «путинской агрессии». Такова сегодняшняя история.

* * *

Сказанное, во-первых, означает, что поведение Путина по сути своей всегда было ответом на происходящие события. Оно представляло собой реакцию на американскую, на западную политику. Сейчас он, быть может, отреагировал неблагоприятно. Но как можно назвать это агрессией? Вину за худший в последние десятилетия международный кризис нельзя возлагать исключительно на Путина. На нас тоже лежит определенная доля ответственности. И нам следует откровенно признать это, осмыслить происходящее и посмотреть, можем ли мы вести переговоры.

Во-вторых, это означает, что, возможно, мы стремительно движемся к войне с Россией на основе неверного изложения фактов. И даже официальной лжи.

В-третьих, это означает, что Америка, провозгласившая себя величайшей демократией в мире — в чем временами у меня нет уверенности, — собирается вести войну без всякого общественного обсуждения вопроса хотя бы в основных политических медиа. Это не демократический способ выработки решения. Нам необходимо сесть и все тщательно продумать, особенно оглядываясь на опыт войны в Ираке. Те из нас, кто выступал против той войны, потерпели поражение в дискуссиях, но нам дали возможность проводить их. Мы выступали на страницах газет и по телевидению. Мы спорили.

Нам надо проявлять беспокойство по этому поводу. И это еще не все. У меня нет ответов на все вопросы. Мы не сказали всей правды о событиях, которые привели нас к настоящему моменту. Хотя я не знаю, в чем состоит полная правда. На каждом этапе этих таинственных событий происходило что-то, затягивавшее и углублявшее украинский кри-

зис и новую «холодную войну». Но и поныне связанные с этим вопросы остаются без четкого ответа.

Почему в ноябре 2013 года Вашингтон и Брюссель навязали уход демократически избранного президента расколотой Украины? Что произошло с предложенными Путиным трехсторонними переговорами, которые давали шанс на достижение согласия? Что в них было плохого? Нам нужно объяснение.

Кто в феврале 2014 года организовал снайперские атаки на Майдане, которые привели к гибели 100 человек, усилению уличных беспорядков и в конечном итоге к бегству Януковича? Кто стоял за этими снайперами? И еще мне хочется спросить, почему тогда, в феврале, европейские министры иностранных дел и Обама не защитили достигнутое при их посредничестве соглашение об урегулировании и не сказали протестующим: «Нет. Подождите и проголосуйте против Януковича в декабре. Вы можете подождать шесть или девять месяцев, в то время как ваши люди будут находиться в составе его правительства». Почему они не сделали этого? Мы не знаем. Но разве это не заслуживает ответа?

В начале мая произошло ужасное, по любым меркам, событие в Одессе. 48 человек были заживо сожжены в запертом здании Дома профсоюзов. Их объявили пророссийски настроенными. Но кто это сделал и зачем? Почему это преступление никто до конца не расследовал? Почему Керри воскликнул только: «Ну и дела, страшная вещь!» — и двинулся дальше, ни разу не попросив о расследовании? Почему мы не требуем, чтобы наш клиент — правительство в Киеве занялось настоящим расследованием? Почему замалчивается это массовое убийство, вызывающее в памяти воспоминания об ужасах, которые творили на Украине в годы Второй мировой войны отряды нацистов? И кто все это организовал и совершил? А сбитый в июле малазийский авиалайнер, на борту которого находились 298 человек? Кто стрелял в него и с какой целью? Было это случайностью или провокацией? Был ли задействован украинский самолет-истребитель? Или кто-то стрелял с земли? И кто постоянно нарушал режим прекращения огня, к которому призывало соглашение, достигнутое на сентябрьских переговорах в Минске? Не этот ли вопрос Меркель хочет поставить перед Порошенко, Путиным и Обамой? Но почему-то каждый раз, когда на переговорах она призывает прекратить стрельбу, кто-то сразу нарушает режим прекращения огня.

У Вашингтона, НАТО и Киева есть свои ответы на каждый из этих вопросов. Все они указывают в сторону Москвы, во всем обвиняют ее. Ни одна американская газета не проявила интереса к каким-либо расследованиям всех перечисленных случаев. У «Нью-Йорк таймс» оказалось достаточно денег, чтобы отправить на нескольких месяцев целую команду в Москву, дабы изучить некий российский справочник по промышленности и выяснить, кто из приближенных Путина какие прибыли получает. Проще было бы позвонить мне по телефону в Нью-Йорке, и я мог бы дать им точную информацию об этом. Но у газеты нет средств, чтобы расследовать, кто сбил самолет, откуда появились снайперы или отправиться на линию размежевания и выяснить, кем нарушается режим прекращения огня.

Между тем во всем мире существуют независимые исследования, которые утверждают, что официальные американские ответы на все перечисленные вопросы не соответствуют действительности. Являются ли эти и другие исследования правдой? Я не знаю. У меня нет достаточных возможностей и ресурса знаний для подобных расследований, но я думаю, что кто-то должен заниматься этим. Иначе мы можем скатиться к войне в густом «военном тумане», основываясь на лжи и неопределенности.

* * *

Я должен закончить вопросом: «И что же дальше?» Вы знаете, вероятно, извечный русский вопрос «Что делать?» И может быть, вам известен ответ на него: «Ничего. Уже слишком поздно!» Когда меня спрашивают: «Что же дальше?» — я отвечаю, что не знаю. Перефразируя слова Мойнихэна, могу сказать, что у меня есть только некоторые факты. А мое мнение не означает, что все обстоит именно так. Оно означает лишь то, что я думаю на этот счет. Выступающие за войну партии одерживают сейчас верх в большинстве столиц, непосредственно вовлеченных в конфликт. Если вам интересно, то в Вашингтоне их лидер — конечно, сенатор Маккейн. Положили на весы свой авторитет госсекретарь Керри и, безусловно, вице-президент Байден. В их числе также Киев, Брюссель, штаб-квартира НАТО. И возможно (хотя я и не уверен в этом), в Москве тоже происходит борьба по этому вопросу. Путин не инициировал этот кризис. В отличие от утвердившейся у нас версии, все это очень скверно для него лично и для национальных интересов России. Путин не собирается капитулировать, но хочет, чтобы все это завершилось.

Покончить с этим и достичь урегулирования можно было бы путем переговоров на основе ряда пунктов, которые были согласованы в апреле 2014 года в Женеве на встрече Керри, Лаврова, представителей Киева, Германии и Франции. Вот некоторые из этих пунктов: полное прекращение огня, отвод всех тяжелых вооружений и военной техники от линии фронта с обеих сторон, какая-то разновидность федерализации или децентрализации украинского государства, которая предоставила бы всем регионам — не только восточным, но и западным областям, — право на альтернативные Киеву пути развития, соблюдение собственных традиций. Вот, кстати, пример: на Украине губернаторы не избираются, а назначаются из Киева. Мы так не делаем. Но это не значит, что наш способ самый правильный, — есть и альтернативные методы. То же самое касается языка и других вопросов.

В военном отношении — неприсоединение Украины. Это означает, позвольте мне быть откровенным, что Украина никогда не должна быть членом НАТО. Мы заявляем, что сейчас вступление в НАТО не стоит в повестке дня. Но мы и на Марс пока не собираемся, хотя попытки полететь и предпринимаем. Русским нужно четкое письменное обязательство на этот счет, даже если они знают, что мы можем порвать его. Для благополучия народа Украины ей жизненно важно свободно торговать и с Россией, и с Западом. Даже после года войны Россия остается важным финансовым, торговым, экономическим партнером Украины. И в дальнейшем Украина не сможет выжить без России, а России нужна Украина в экономическом плане. Это благо для обеих стран. И Украине должна быть предоставлена возможность сотрудничать с Западом так же, как это делала Россия в течение последних 20 лет.

От Украины нельзя требовать: «Либо вы торгуете с нами, либо с Россией, но не с тем и другим одновременно». И нужно гарантировать нынешний территориальный суверенитет Украины, но без Крыма. Этот поезд уже ушел. Но остальная часть Украины должна сохраниться в неизменном виде и получить гарантии со стороны великих держав и, возможно, в виде резолюции Организации Объединенных Наций.

Осталось ли еще время для такого разумного урегулирования? Не имею представления. Оно было достижимо в апреле, мае, возможно, в июне. Но к настоящему времени, может быть, уже пролито слишком много крови.

Люди в Восточной Украине по большей части не были сепаратистами, хотя с самого начала мы всегда именовали их именно так. Сами они называли себя «федералистами». Они стремились получить определенный уровень внутреннего самоуправления. Теперь же, если вы смотрите видео в социальных сетях, можете слышать, как они говорят: «Мы не можем больше жить рядом с этими людьми. Они убили мою бабушку, дедушку и мою дочь. Я не хочу быть вместе с этим Киевом». Вероятно, это когда-нибудь может быть преодолено. Конфедераты в США заявляли то же самое о Севере после Гражданской войны, и мы дорого заплатили за это. Ценой десятилетних усилий нам удалось в конце концов добиться единства страны.

Есть только две возможности для такого рода решения проблемы, и этим должны заняться лидеры. Одна из них — Меркель, ввиду ее особого положения. Германия — это сильнейшая страна в Европе. Политика Меркель состояла в том, чтобы доказать невозможность военного решения; но потом она заняла антироссийские, проамериканские позиции. Может быть, поездки изменят ее взгляды. Я не знаю.

Но единственным человеком, который способен покончить со всем этим на основе переговоров, является Обама. В его руках контроль над НАТО и Международным валютным фондом, который имеет возможность помочь наведению порядка. Похоже, Обама дрейфовал в сторону партии войны. Поскольку я дважды голосовал за него, мне хотелось бы думать, что это произошло потому, что он не увидел никакой оппозиции этой партии. Он не почувствовал, как накалилась ситуация, потому что мы сами не стремились добиться правды. Я хочу сказать молодым людям в этом зале, что мое поколение (а я уже дед) и поколение ваших родителей поставили вас в трудное положение. Мы не оставили вам выбора. Мы не придавали значения тому, что, на ваш взгляд, было хорошо, а что плохо, и что надо делать. Мы подвели вас и не дали возможности вести демократические дискуссии. Так что молодые люди в этой аудитории могут теперь предпринять то, что они сами посчитают правильным, — или ничего не предпринимать.

Что касается меня — и на этом я закончу, — то ежедневные новости то порождают во мне надежды, то повергают меня в отчаяние. Но я всегда вспоминаю, как русские отличают пессимиста от оптимиста. Они определяют их иначе, чем мы. Это обусловлено их собственной травматической историей. Поэтому они говорят: «Пессимист думает, что дела уже не могут быть хуже. А оптимист знает, что могут». Так что я оставляю вас сегодня оптимистами. ♦

Перевод с английского В. Бушуева.